

Skleněný
mostek
2015

Лана
Алина

A surrealist painting featuring a zebra with blue and white stripes on a carousel horse. A person in a red suit is riding the horse, which is positioned next to a large, ornate wheel. The background is a dark, textured red. The overall style is dreamlike and symbolic.

Вихреворот
сновидений

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Светлана Князева 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

Иллюстрации:

Вероника Язькова © 2016

Алла Кузнецова © 2016

ISBN 978-80-7534-060-3

Содержание

ПРОЛОГ. ВЕРОНИКА

Глава 1

Темно-серое воинство. Первый сон Веры Не-Павловны

2014 год

Глава 2

Римские каникулы Вероники

ЧАСТЬ 1. ВЕРА

Глава 3

Полёты во сне

1982 год

Глава 4

Рабочие будни Веры

Глава 5

Гимн быту и внештатная рабочая ситуация

Глава 6

Машкины откровения

Глава 7

Духовность джинсовой Стаи

Глава 8

Разбор полетов наяву

Глава 9

Полет во сне и наяву

Глава 10

Снов очарованья аромат

Глава 11

Понедельник – день тяжелый

Глава 12

Опасные игры «Молодых социалистов»

Глава 13
Погорелки

Глава 14
Академические будни

Глава 15
Полежалки

Глава 16
Гром среди ясного неба

Глава 17
Похороны

Глава 18
Ббом-mmm, бом-mmm, ббим-мм-ббомм!!!

Глава 19
Раздел имущества

1983 год
Глава 20
Профсоюзное собрание

Глава 21
Вихреворот

ЧАСТЬ 2. НИКА

Начало XX века
Глава 22

Эксы и революционные экзерзисы Зины

1996 год
Глава 23
Будни Ники

Глава 24
Что это было? Сон? Явь?

Глава 25
Фаллические сранки

Глава 26

Либеральные страдания Ники

Глава 27

Сетевой маркетинг-план

Глава 28

Дед и нравственный социализм

Глава 29

Ах, Артек!

1990 год

Глава 30

Римские каникулы Ники

Вне времени

Глава 31

Ах, Танечка, Танечка! Третий сон Веры Не-Павловны

ЭПИЛОГ. ВЕРОНИКА

2015 год

Глава 32

Всё ждала и верила

Глава 33

Эти старые московские дворы...

Глава 34

Графитово-серая плесень

Глава 35

А умер ли Сталин?

Глава 36

Там, где горит очаг

Сновидения к утру исчезают под впечатлением наступающего дня, точно сверкание звезд перед сиянием солнца.

Зигмунд Фрейд

Сновидение – это анархия психическая, эмоциональная и умственная.

Гюстав Дюга

ПРОЛОГ. ВЕРОНИКА

Глава 1

Темно-серое воинство. Первый сон Веры Не-Павловны

...Она вошла на станцию метро «Новослободская» и быстрым шагом направилась к турникетам. Что-то изменилось – быстро и неуловимо. Воздух стал вдруг спертым. Липким. Приставал к телу, словно вторая кожа. Что-то неприятное, тяжелое – *чужое* – повисло в воздухе, что-то было не так...

Лишь ступив на ленту эскалатора и спускаясь в глубину станции, она внезапно осознала, *что* именно показалось ей таким необычным. Ни в вестибюле, ни на эскалаторе не было ни души...

«*Калле один на свете*»... Вот так! Почему-то вспомнилась любимая детская книжка.

Который теперь час, с недоумением подумала она секунду спустя и привычно посмотрела на наручные часы... Ой, а часы-то она сегодня забыла надеть!

Но ведь на улице еще далеко не стемнело, и в метро в этот час обычно много людей – значит, не так поздно.

«Так же просто не бывает, даже перед закрытием всегда едут люди», подумала она, крепко держась за поручень.

Станция «Новослободская» – одна из самых глубоких в московском метро, и пока эскалатор медленно двигался вниз, о чем

только не успела она подумать. Удивительная вещь – мысль человеческая: сверкнет быстрее молнии!

Затхлостью повеяло вдруг снизу, из глубины. Мрачным замшелым холодом, точно из погреба.

Движущаяся лестница начала ускорять свое движение вниз, сначала незаметно, затем все быстрее, быстрее... быстрее... Потом её ступеньки стали вдруг разъезжаться прямо под ногами, на глазах превращаясь в крутую скользкую горку, а наклон резко увеличился, стал почти отвесным! И с головокружительной скоростью устремился эскалатор вниз, прямо в пропасть, увлекая ее за с собой.

Она из последних сил вцепилась в поручень, навалилась на него всем телом, но проклятая лестница-расчудесница, как называла ее когда-то маленькая Вероника, продолжала стремительное скольжение, нет! падение вниз...

Все быстрее, быстрее, быстрее-е-е!

– *А-а-а!!!* – Ей показалось, что она издала громкий вопль, но – только показалось: с губ не упало ни слова, ни звука... А кошмарное стремительное падение все продолжалось, и стало ясно: она не удержится на этой сошедшей с ума, неудержимо летящей вниз бесконечной лестнице...

– *О-О-Оой!* – Она задохнулась от собственного крика, он оглушил ее так, будто уши заткнули ватой.

– *А-а-а!* – Все бесполезно. Словно под водой, она уже не слышала собственного крика.

И никто не услышит, никто не придет на помощь.

Что-то темное, беспросветное, неведомое, кошмарное приближалось с каждой секундой, надвигалось – но секунды раздвигались, воплощаясь в минуты и часы... И от того, что никак не понять было, что это *такое*, ужас сгущался, уплотнялся, становился все темнее, беспросветнее, а его запах – все кошмарнее.

Пл-люх!!!

Но она не разбилась, даже не ударилась. С головой окунулась в какую-то вязкую – не то бурую, не то серую – колышущуюся клокочущую жижу, источающую тошнотворный тухлый запах. –

Как от зацветшего пруда или болота с застоявшейся водой... Нет, даже хуже – мертвящий запах, вот! – с отвращением подумала она, поднимая голову и изо всех сил стараясь не дышать смрадным испарением, исходившим от неживой воды.

От *мертвой* воды... Прямо как в русских народных сказках: живая вода, мертвая вода, – с ужасом вспомнила она свои детские впечатления от народного фольклора. Это запах... разложения и гниения – вот что это такое!.. Но, по крайней мере, хоть не разбилась, вроде бы живая...

Что это?

...Темно-серая плесень подступала. Надвигалась. Сбивалась в большие угрожающие тени. Окружала со всех сторон. Темно-серая мышинная плесень покрывала, точно пупырчатыми обоями, чем-то похожими на графитовую пыль, облепившую сырые стены домов. Темно-серая плесень забивалась во все поры. Врастала в них. Распространяла вокруг смрадное дыхание. Непереносимым становился запах отвратительной ядовитой гнили, которой разило от серой плесени. Размножалась-самовоспроизводилась она с бешеной скоростью. Производила себе подобных в геометрической прогрессии. Мутные расплывчатые рожи гримасничали, ухмылялись. Плесень уже захлестнула всех своей мутной пеной. Люди задыхались от гнилостного смрада, многие из них захлебнулись омерзительной разлагающейся жижей, поглотившей их, накрыв с головой. А грязно-серой плесени становилось все больше и больше! Она подчиняла, подавляла.

Как не потонуть, не пропасть, как выплыть в мутной пене захлестнувших волн серой плесени?

Много-много времени спустя это темно-серое графитовое заплесневелое воинство начало потихоньку отступать на заготовленные позиции, но затхлая хмарь никак не рассеивалась, мельчайшие графитовые частицы садились на волосы, попадали на одежду, на лицо... но нет, лицо она закрыла руками. И все равно смрад проникал, казалось, во все поры, в горле встал омерзительный ком, и она не могла его проглотить... Невозможно было вздохнуть полной грудью. Защемило сердце, тяжело заныло где-то под ложечкой... Неживая, гнилая – ядовитая реальность.

«Господи, только бы живой выбраться, судорожно думала она, только бы живой!»

...Потом перед глазами встало *его* лицо.

Дай утонуть в твоих глазах...

Шуршание полночного весеннего дождя по свежей юной листве.

...Летняя ночь.

Они медленно шли по кромке прибоя, держась за руки и глядя друг другу в глаза, а море шептало им ласковые слова, улыбалось и пело свою любимую песню, а волны, набегая, нежно ласкали, целовали их ноги.

И пела луна, разговаривая на разогретом закате аквамариновом плюше неба. Огромный спелый диск растущей желтой луны стремительно катился по небу, падал в море, ослепительно сверкая, плаваясь по краям, и звенел... Задышался от восторга. Томный, вкрадчивый взгляд золотой луны сопровождал их. Небо высверкивало пылающими светлячками звезд. А навстречу этим первозданным звездам плыли облака, кружили в светлеющем, будто разбавленном снятым молоком, небе – ночь летом коротка! – порхали и, как огромные бабочки, трепетали полупрозрачными кружевными крылышками.

Господи, дай мне утонуть в её глазах...

Точно две свечи вспыхнули в его глазах. Вспыхнули ярко, как всегда, перед тем, как погаснуть свечкам. Язычки пламени заструились ручейками радости, зашевелились, как живые, завихрились... И погасли свечи – обе разом, словно кто-то сильно дунул на них.

Чуждый. Враждебный.

2014 год

Глава 2

Римские каникулы Вероники

... И погасли свечки – обе разом, словно кто-то сильно дунул на них.

Чуждый. Враждебный...

... Вероника широко раскрыла глаза, села в постели.

Так это был только сон! Но к чему бы он? Странно: ведь сновидение – это осуществленное желание, как считал великий австрийский психолог Зигмунд Фрейд.

Яркий, но в то же время мягкий, теплый свет упрямо пробивался в комнату сквозь *persiane*¹, не пускавшие его в комнату, деликатно стучал маленьким горячим кулачком в классические римские ставни. Она вскочила, подошла к окну, распахнула некрашенные деревянные, видимо, уже очень старые ставни. Они раскрылись сразу, без скрипа, без усилия с ее стороны, широко улыбнулись ей. Вероника зажмурилась от удовольствия, от всепроникающего оранжевого солнышка, которое смеялось, приветливо озираясь в ее небольшой, обставленной в буржуазном римском стиле пятидесятых годов комнате. С третьего, а на самом деле с четвертого – такая уж здесь нумерация этажей – отлично просматривались *piazza Vittorio Emmanuele*² – говорливая, шумная, колышущаяся в самом сердце Вечного города, поток машин на *via dello Statuto*, *MAS*³ на углу... О, так он открылся, значит, уже больше восьми утра! Потоки людей и машин, и повсюду развалы, лотки с обувью, платками, кофточками, сумками, сувенирами и еще Бог знает с каким товаром. Любимый, каждое утро встречающий её, как старый верный друг, приветливый шумный

1 Римские ставни, открывающиеся наружу и характерные для центральной Италии.

2 Площадь Виктора Эммануила – большая площадь в самом центре Рима.

3 Улица Статута (Конституции) – улица в центре Рима. *MAS* – *Magazzini allo Statuto* – серия крупных магазинов в Риме.

город. Радостная, во весь рот, улыбка улиц, распахнутые добрые, васильковые, глаза неба. И каждое утро, с каждой новой встречей с этим оптимистически настроенным городом, словно изнутри зажженным ласковым оранжево-розовым светом – дома в нем построены в основном из розового туфа – каждое утро возникало знакомое уже ощущение мира, покоя, добра.

Как же уютно... – потягиваясь и улыбаясь, пропела Вероника *доброе утро* городу Риму и солнышку, его согревающему. Возможно, такое ощущение мира, покоя, уюта возникает от этого яркого, словно облили его синими чернилами, безоблачного неба, от жаркого и всё же ласкового оранжевого солнышка, от близости теплого, соленого-соленого и тоже ласкового моря.

И совершенно пропадали, растворялись, точно их никогда и не было, страх, назойливый, душный, беспричинный, и вечная его спутница и подруга – непонятная, липнущая к коже вина. Словно совершила она какой-то грех, какое-то тайное преступление, не тяжелое, но глубоко постыдное, а потом совсем о нем забыла. Но *те, другие...* Они-то знают, они помнят... и не доверяют. И надо теперь доказывать, что ты не верблюд, и идти получать справку о несудимости⁴, писать горы документов, и пересылать эти горы по электронке, и оформлять в соответствии с определенными нормами невероятное количество бумаг, потом бесконечно подписывать... И так живешь, точно под рентгеновским аппаратом, просвечивающим тебя каждые несколько месяцев своими гибельными лучами, и мучаешься от остроты ненужности...

Конечно, со всей этой малопонятной бумажной волокитой Вероника сталкивалась и в Италии – и сколько раз. Быть может, это вообще отличительная черта современности? Но, с другой стороны, еще лучшие российские умы XIX века говорили и писали о непомерном развитии бюрократии в нашей стране, в том числе, в системе образования и в сфере научной деятельности⁵.

И какая вина может быть у неё? Да нет же, конечно, нет! Раз-
ве она виновата в том, что жива и более-менее здорова, и иногда

4 Такую справку должен регулярно получать весь профессорско-преподавательский состав ВУЗов РФ.

5 Об этом, в частности, писал А. Герцен в 50-е гг. XIX в., после возвращения в Россию.

даже счастлива? Тогда почему же влажное вязкое чувство страха и вины отпускает её только в Риме, в Италии?

Вероника задумалась. Может быть, плюнуть сейчас на архив, куда ей надо непременно хотя бы еще один раз попасть до отъезда, на отложенные в *Biblioteca Nazionale*⁶ книжки – да и махнуть на море? Каких-нибудь сорок минут на метро – и вот она уже идет по приветливым солнечным улочкам *Ostia Lido*⁷, а совсем-совсем рядом, во-он за теми невысокими домами шумит, плещется синее-синее до самого горизонта тихое море.

Вероника любила море, ей нравилось общаться, беседовать с синим другом. Море, южное, теплое – то ласковая, то грозная стихия, непреложный, суровый порядок, непреходящая реальность. А море шуршит в ответ тишайшей ласковой волной, жаждет поведать ей шепотом набегающей волны о своих впечатлениях, рассказать о тайном знании... Можно и искупаться, и посидеть, общаясь с морем, и пообедать на самом берегу в каком-нибудь ресторанчике. Нехитрый набор: *cozze, insalata verde, pesce spada, vino da tavola* ⁸...

Нет, это она еще успеет. Уже завтра утром прилетает к ней её дочка. Как здорово! И в эти последние жаркие денечки начала сентября – всего-то навсего пять дней им останется – они вдвоем погуляют по любимым римским местам, почти святыням, и обязательно сходят несколько раз в их любимую *Basilica di San Clemente*⁹, что в двух шагах от Колизея и *Domus Aurea*¹⁰, съездят в Остию, а в воскресенье отправятся с утра пораньше на знаменитый рынок старого Рима – *Porta Portese*¹¹.

Ну, а пока надо собираться. Решено: она не пойдет сегодня в архив. Охота была в такую теплую солнечную погоду спускаться

6 Национальная библиотека (ит.)

7 Античная Остия – большой район Рима (или ближнего пригорода), расположенный на юге столицы прямо на побережье и являющийся крупной историко-культурной зоной, сохранившей развалины античного Рима.

8 Мидии, зеленый салат, рыба-меч, молодое столовое вино.

9 Собор Святого Климента, что около Колизия, на Эсквiline.

10 Парк и историко-культурная зона рядом с Колизеем.

11 Достопримечательность Рима – самый большой "блошинный" рынок, работающий по воскресеньям.

в метро и долго ехать, хотя и без пересадки, по ветке В, в ЭУР¹². Лучше уж в библиотеку: это совсем недалеко от дома, комнатку в котором она снимает, и туда можно дойти пешком, прикоснувшись к любимому городу, к которому она приросла сердцем, душой, всей кожей, к его улицам, почти всегда открытым церквушкам, домам, барам, маленьким магазинчикам.

Квартира, комнату в которой Вероника иногда снимала, приезжая в *Вечный Город*, принадлежала одной её старой знакомой и состояла из трех небольших комнат и небольшого холла, где стоял старенький круглый стол, телевизор и несколько скрипучих дедушек-кресел.

– *Buon giorno, Maria!* – поприветствовала Вероника вышедшую как раз в этот момент из кухни соседку, кроткую милую, очень аккуратную старушку, занимавшую другую комнату, а третья, совсем крошечная, пустовала. Маленькая, щуплая, какая-то незащищенная синьора Мария была сама живая история. Она помнила еще войну, фашистов, немцев, была свидетельницей оккупации гитлеровскими войсками Рима, о чем часто рассказывала Веронике, и даже вышла когда-то, в другой жизни, замуж за одного из партизан, боровшихся в Сопротивлении, а до того призванного юным новобранцем на итало-абиссинскую войну. Да только вот убили мужа-то, и детей даже не успели они завести. В сорок четвертом убили его, в самом конце той страшной мировой войны, тяжелым катком своим раздавившей жизни, надежды, судьбы римлян. И не только их.

Синьора Мария уже много лет жила совсем одна, в бедности, и совершенно одиноко: даже дальних родственников у нее не осталось, да и приятельниц – одна, хорошо, две, не больше. А поскольку и собственного жилья синьора так и не нажила, то снимала она комнату у своей знакомой, Агаты Рубео. Это жилье было ей по карману, а всех остальных её доходов, то есть пенсии, не слишком значительной, и довольно скудных сбережений, только-только и хватало, что на еду, иногда на парикмахерскую, да еще на лекарства, которые она почти всегда приобретала в аптеке на *Via dello Statuto*, как раз наискосок от дома. Болезней у синьо-

12 EUR – большой район в южной части Рима, построенный в 30-е гг. XX в.

ры Марии накопилось за долгую жизнь немерено, но она никогда не жаловалась, и Вероника не помнила, чтобы она когда-нибудь стонала или хмурилась. Напротив! Синьора, всегда оживленная, приветливая, с улыбкой на губах, так и сыпала поговорками да прибаутками, а особенно любила выдать вдруг какую-нибудь ехидную, хотя и безобидную шуточку, частенько с ядрышком легкой непристойности. «*Scopatevela, scopate, ragazzi,*» – могла она, ничтоже сумняшеся, заявить игривым тоном, хихикая и присоединяясь вечером к компании за столиком в гостиной, игравшей в *Scopa*¹³, а ведь среди собравшихся почти всегда оказывался и кто-нибудь из Вероникиных знакомых. Все весело смеялись, и никто не смущался от того, что старушка говорит, возможно, не вполне приличные вещи. Игра слов, *bel mot* – не более.

Сейчас синьора Мария держала в руках *cafettiera*¹⁴ с только что заваренным кофе, и по квартире растекался уютный утренний аромат мира и покоя. Она приветливо улыбнулась Веронике – и была такой теплой, такой уютной и до невозможности радостной ее улыбка.

– *A-a, ciao-ciao, bellissima, ciao, Veronica!* – поприветствовала её Мария. – *Come stai? Come è andata con i tuoi sogni d'oro?*¹⁵

– *Grazie, più o meno, bene, insomma!*¹⁶ – не рассказывать же Марии, в самом деле, о коварном графитово-сером воинстве, атаковавшем её ночью.

– *Meno male!*¹⁷, – прожурчала Мария и, напевая себе под нос, – *E va bene così, non ti merito più!*¹⁸, – аккуратно примостилась в скрипучее продавленное кресло у стола, достала крохотную кофейную чашечку, изящную маленькую сахарницу и широким жестом пригласила Веронику:

13 Это игра слов: “Scopa” – название карточной игры, в буквальном переводе “Метла”; “Scopare” – «*трахать*» (ит., вульг.). “Трахайтесь, ребятки, трахайтесь!”

14 Cafettiera- кофеварка.

15 Привет, привет, Вероника, привет, красавица! Ну как ты? Какие снились золотые сны?

16 Более-менее, а, в общем, хорошо!

17 Тем лучше.

18 Старая итальянская песенка: “Ну и пусть так, я тебя не стою более”...

– *Vuoi un po' di caffè, tesoro mio, l'ho appena preparato, eh? O prima vai in bagno? Vai, vai, io comunque te ne faccio un pochettino. Ci vuole la prima tazzi-ina di matt-tina*¹⁹, – пропела Мария.

– *Grazie mille, Maria, arrivo subito!*²⁰ – поблагодарила Вероника милую старушку. Пока она жила в этом гостеприимном доме, так, с утреннего *кофенутия*, начиналось каждое утро, и это стало их доброй традицией. Вот и славно, подумала Вероника, нельзя обижать заботливую синьору Марию, и принесла из холодильника купленные накануне вечером *dolci*²¹ для старенькой соседки. Она знала – синьора их обожает.

Уже взявшись за ручку двери, готовая выйти из дома, Вероника невольно прислушалась – и остановилась.

– *Va, pensiero, sull'a-ali dora-ate...*²² – донеслось из полуоткрытой комнаты синьоры Марии. Нет, это не радио, это поет сама синьора. Негромким, чуть дребезжащим, слегка ломким, но полным какой-то внутренней страстной силы голосом старушка исполняла известнейшую арию из *Nabucco*.

Надо же, как здорово! Ни одной фальшивой или неточной ноты. Наверное, у Марии абсолютный слух – так точно она передавала мелодию, ритм, нюансы арии из оперы Верди, подумала Вероника. Вот она бы ни за что так не смогла.

Город встретил Веронику шумным гомоном улицы и уютнейшими ароматами кофе, только что изготовленных сладостей и свежавыжатого сока, вырывающимися на свободу из открытых окон и дверей баров, которых здесь видимо-невидимо, и искренне-солнечную старую песенку «*A- Abbronzatissima, sotto i raggi del sole, come è bello sognare, abbracciato con te*»²³. Ну как тут не

19 Хочешь кофе, а, деточка? Я только что приготовила. Или ты сначала в ванную пойдешь? Иди-иди, а я тебе пока налью. Обязательно нужна первая утренняя чашечка!

20 Спасибо большущее, Мария, я сейчас!

21 Сладости, конфеты.

22 "Лети, мысль, на крылах златых!" – ария из оперы Дж. Верди "Набукко".

23 Популярная итальянская песня 60-х гг.: "Ух какая загорелая-загорелая, под лучами солнца, как же здорово мечтать, обнявшись с тобой!"

зайти, вот в этот, например, симпатичный бар, что напротив *Santa Maria Maggiore*, с замечательным видом на Базилику – здесь у нее знакомый бармен и эспрессо лучше, чем где бы то ни было. Да, по дороге в библиотеку она всё же хоть на минутку, да обязательно заскочит сюда. Кроме того, надо еще завернуть к знакомому продавцу периодики и купить у него *Messaggero*, *La Repubblica* – вообще, все свежие издания, которые он для нее, конечно, уже отложил сегодня утром по её просьбе.

А может быть, если пойти другой дорогой в *Biblioteca Nazionale*, то лучше зайти в тот старомодный, вероятно, еще довоенный бар у самого Колизея? Решено, именно сюда она сейчас и пойдет! Там она попросит у пожилого усатого синьора *barista*²⁴ чашечку крепчайшего эспрессо с коричневато-желтой шапкой пены – показатель качества кофе! – а еще *una spremuta di pompelmo*²⁵ и какой-нибудь круассан.

Удобно расположившись под тентом у входа в бар – денек снова выдался жаркий! – Вероника в момент осушила *la spremuta*, и, попросив усатого синьора Ренато сделать ей кофе как можно крепче, стала проглядывать сегодняшние газеты. Да, в мире неспокойно. Италия все никак не выйдет из туннеля кризиса, хотя оптимистически настроенные политики во всеуслышанье заявляют, что выход из него уже виден, до него уже рукой подать! Мигранты из Магриба, Сомали, Эфиопии каждый день прибывают, переплывая на утлых, надувных резиновых барках Средиземное море, залив Лампедуза, тонут там целыми семьями, прямо с детишками, кого-то, правда, удастся спасти, а беременные женщины прямо в море, в лодке рожают детей, и вот так – грязные, больные, голодные – они пристают к итальянским берегам, просят еды, помощи, пособий. А потом так они и живут здесь со всеми чадами и домочадцами на эти пособия... другой вопрос – легально или нелегально. А что поделаешь, вот тебе, бабушка, и Юрьев день, вот вам и политика мультикультурализма²⁶ в действии.

24 Бармен.

25 Свежевыжатый грейпфрутовый сок.

26 Политика, осуществляемая в Европе, в Евросоюзе в отношении мигрантов.

В Евросоюзе тоже куча нерешенных проблем, даже если не считать мультикультурализма. Тут вам и сепаратизм, и национализм, и еще какой-то *изм*, но это ерунда по сравнению с тем кризисом, который назревает в ее стране. Цены на нефть падают, рубль постепенно обесценивается, санкции пока не отменены, а вероятно, и еще усилятся, политические лидеры выступают с жесткими и не всегда продуманными заявлениями, экономическая политика невнятная, и экономика стоит, и предприятия закрываются одно за другим. Системного взгляда на глобальные вызовы, которые предъявляет современная жизнь, по-видимому, выработать не получается. А зато современная российская власть предпочитает осуществлять политику жесткой силы – и это уже аксиома, не требующая доказательств.

А россияне радуются, они преисполнены патриотических чувств и заряжены различными фобиями. Ещё бы, ведь уже весь мир признал нашу страну возрожденной сверхдержавой. Да, вот мы какие грозные получаемся. А истории и филологии не знают: в мировой практике устарело само понятие *держава*, и все словари мира помечают этот термин ремаркой «устаревший». Да и логика великодержавная осталась в первой половине XX века.

А зато *Крымнаш*, а зато мы великая держава и угрожаем всему западному миру. И в Украине происходит что-то невнятное... то есть, это как посмотреть. Ведь все зависит от угла зрения. А впрочем, когда Вероника читала итальянские, да и вообще европейские газеты, ей было очевидно одно: мало кто из иностранных журналистов до конца понимает российскую действительность, а значит, может составить о проблемах ее страны внятное экспертное суждение.

Бармен принес Веронике крохотную чашечку ароматнейшего кофе *ристретто* с кружевной бежевой пеночкой, и как раз в этот блаженный момент в ее сумочке зазвонил мобильный. А, это точно муж!

– Девчушка, привет, как дела? А ты в котором часу возвращаешься-то, я опять забыл? Когда самолет в Москву прилетает?

– Слушай, ну это ж только через неделю еще будет! Я сейчас

всё равно не вспомню, надо билет посмотреть, я тебе заранее сообщу – не переживай!

Как полезно иногда расставаться! Ненадолго, конечно. Она уехала всего на две недели, а всё равно они созванивались несколько раз в день и уж обязательно утром и вечером, перед сном. И вот соскучиться уже успели. Такой уж ритуал сложился у них за долгие годы совместной жизни. Иначе пустым, неполным, *оголенным* становился день.

Как радостно топается ей по выпуклым блестящим кубикам римской брусчатки! Римские тротуары быстро отучили ходить по городу на каблуках: все ноги отобьешь, завтра ходить не сможешь. Куда удобнее в туфлях-балетках или кедах.

В этот свой приезд в Рим Вероника должна была собрать в библиотеке и в архиве недостающий материал для докторской диссертации по еврокоммунизму и европейской либеральной традиции, а попутно и для серии статей в цитируемых изданиях СКОПУС и РИНЦ²⁷, которые она поставила в план научно-исследовательской работы в университете. Требования к публикациям постоянно ужесточаются, и, вероятно, это правильно, жаль только – иногда лишь по форме, и не всегда это отражается в лучшую сторону на качестве. Ваковские²⁸ публикации стали теперь своеобразной планкой, которую необходимо преодолеть, а минимальное их количество – допуском к защите, и без этого не обойтись!

До отлета в Москву Веронике оставалось всего несколько дней. В России, как она могла видеть из газет, новостей по телевидению, из интернета, её ожидали тревога, беспокойство, неуверенность. Овладевало бессилие. И вот снова – *страх и вина*. И вот снова она отправляется во внутреннюю эмиграцию...

Эта сладкая парочка. Страх и вина. Они стали уже её извеч-

27 SCOPUS – единая международная реферативная база данных, индексирующая несколько десятков тысяч наименований научных и журналов и около 5 тыс. международных издательств; РИНЦ – российский индекс научного цитирования ученых.

28 ВАКовские публикации – опубликованные в ваковских (избранных ВАК) журналах и необходимые для допуска к защите кандидатских и докторских диссертаций. ВАК – Высшая Аттестационная Комиссия при Министерстве образования и науки РФ.

ными спутниками и, точно неумолимые часовые, сопровождали с того самого момента, когда самолет начинал снижаться и, протыкая, пробивая своим мощным телом плотные облака родного неба, заходил на посадку.

ЧАСТЬ 1. ВЕРА

Глава 3

Полёты во сне

...Верочка с трудом тянет на себя тяжелую входную дверь. Вздыхая и сопя, она с усилием открывает её, входит в подъезд, оглядывается с опаской.

Поднявшись на несколько ступенек, девочка встает на цыпочки и еле-еле дотягивается до кнопки вызова лифта. Ой, как трудно, когда рядом нет никого из взрослых: дверь-то ведь такая тяжелая, а кнопки всегда почему-то расположены чересчур высоко...

Наверное, наступил уже поздний вечер – но тогда почему она возвращается домой одна? Так же просто не бывает! Мама и папа никогда раньше не отпускали ее одну, тем более вечером. И, как назло, у лифта нет никого из соседей. Как же долго тянется время, как медленно едет лифт – наверное, спускается с последнего этажа. С её этажа.

На площадке перед лифтом горит только одна лампочка. Вся покрытая пылью, высоко, под самым потолком, она едва освещает подъезд совсем слабеньким тусклым светом, и от этого мертвенного освещения все вокруг кажется Верочке блеклым, нереальным, словно в тумане. Как-то жутковато ей одной в подъезде!

Старенький болезненный лифт тяжело спускается, наконец, на первый этаж, шумно вздыхает, кашляет, с трудом переводит дух, кряхтит, треща всеми своими разохшимися костями по очереди, с усилием садится на дно шахты. Ну, прямо как старенький дедушка Верочкиной подружки Наташки, когда тот, ерзя и шурша газетой, стонет, что-то шепчет под нос, шарит вокруг себя, ища очки, и, наконец, устраивается в своем глубоком ободранном кресле у телевизора с огромной лупой перед крохотным экраном.

Верочка отворяет железную решетчатую дверь шахты подъехавшего, наконец, лифта, аккуратно задвигает за собой его стоящие старенькие деревянные створки и, приподнявшись на цыпочки, старательно жмет на последнюю кнопку: они живут на последнем этаже. Лифт медленно, даже медленнее, чем обычно,